

УДК 141.8

ПРЕДЕЛЫ И ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАЗУС БЕРДЯЕВА

*Бойчук С.С., к.ф.н., тел. +380952475155, overbaring@mail.ru
Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Луганск*

Ключевые слова: философия, экзистенциализм, Н. Бердяев, русская философия, тупики мысли.

Статья посвящена анализу особенностей поэтики мышления и судьбы Николая Бердяева, понятых в качестве выражения экзистенциальных и гносеологических характеристик познавательной стратегии «русской философии». Раскрыты сущностные тупики данной модели философии.

Введение. Современная манера философствования, впрочем, как и остальные удобства, предлагаемые цивилизацией торжествующего распада, создает вокруг слабого и глупого последнего человека особый стеклянный купол комфортного существования, что призван защитить от суеты тревог его отмирающие разум и волю. В сложившихся обстоятельствах бесхребетных времен философская речь в полифоническом пришепётывании культурной иллюзии слышится отдаленными убаюкивающими звуками детской колыбельной. Ее сладостно тягучие напевы даже если и пытаются напугать моргающее сознание нового бесформенного антропологического типа, то впоследствии самостоятельно снимают общую тревожность. Данный феномен экзистенциально-гносеологической обстановки структур, актов и сюжетов мысли выступает ничем иным как пещерой Платона-Бэкона, должной стать кроличьей норой для впадения в мир открытия и высказывания логоса. Однако дилетантское мышление между прочим, от случая к случаю, без особого эпистемологического требования свидетельства, переживания судьбы-призвания и личностного императива пребывания в «умном месте» не в состоянии выйти за пределы, очерченные этой пещерой и поэтому закономерно разворачивается в качестве сна смешного человека. На основании этой невыносимой легкости говорения, писания и чтения вырастает особая познавательная стратегия и определяемая ею поэтика дискурса, искренне не понимающего чрезмерную и неприличную серьезность выкалывающего глаза Демокрита, рыцарскую решительность Пико делла Мирандолы или бунт Сартра, который, переживая невозможность себя в джунглях Сьерра-Маэстра, зажигает красный май Парижа.

Цель данной работы – показать особенности экзистенциального и гносеологического своеобразия интеллектуальных поисков Николая Бердяева в контек-

сте общей духовной ситуации эпохи слома классических интеллектуальных структур. Благодаря данной реконструкции становится возможным раскрытие базовых характеристик познавательной и бытийной стратегии русской философии.

Материал и методика исследований. Методологическая основа исследования состоит из общенаучных и философских методов познания. Особая роль в работе принадлежит герменевтическому методу при толковании философских текстов и феноменологическому методу в анализе фундаментальных культурных и экзистенциальных моделей.

Результаты исследований. Хайдеггер неоднократно сожалел о том, что в Германии, как и в других частях цивилизационной ойкумены, не оставленных на произвол истории мировым духом, совершенно никто не читает досократиков. Вместо вопрошания Гераклита или Парменида, интеллектуальный взор профессиональных и «частных» мыслителей все чаще оказывался направленным в сторону речей многочисленных сиюминутных гуру, крикливых халифов на час, умело балансировавших между сокрытостью и проявленностью истины [3, с. 385].

Лидеры гонки вопрошания сменялись с такой скоростью, что оставленный ворох записочек с вопросами о последнем образовывал прекрасные симметричные узоры дублированных изображений детского калейдоскопа. Оказавшись в ловушке непостоянства чайний экзальтированных слушателей, Маркс, Фрейд, Маркузе были оттеснены в пыльные кулисы Делезем, Фуко, Лаканом, а востребованность эпохой и газетная способность откликаться на любые колебания атмосферы заменили собой глубинную несвоевременность философии как экстремального чудачества у предельных оснований сущего. Сложившаяся на протяжении лет заката сложная кривая обращений явно не соответствовала классическому канону декартовой системы координат и свидетельствовала о забвении подлинного логоса.

Дао вопрошания (а мы помним, что Хайдеггер отмечал: вопрошать – это, прежде всего, прокладывать путь [3, с. 251]) в лучших традициях китайского молчания об иллюзорности мира обернулось разговорами на проселочной дороге не только в книжном формате запоздалого чтения, но и в бытийном срезе тишины колокольного ландшафта Европы. Пафос отказа обернулся эпитафией оставленности, зов бытия заурчал торжественными маршами.

На этом фоне угасания божественного огня мудрости и повседневной гибели кумиров одной из неизменных величин невозможных в катастрофическом опыте философской воронки двадцатого столетия казался запрос на творчество Николая Бердяева. В отличие от большинства коллег по цеху, которым часто не везло с читателями, литературная судьба скромного «моралиста, историка и теософа» отличалась поразительно стабильным успехом.

Востребованность мыслей этого странного «ничьего человека» нарушала логику неуместности рефлексии в объятиях бури: ему с восторгом внимали не только гимназистки и «русские мальчики» по углам трактиров в перерыве между спорами, но и серьезные профессора с европейскими дипломами. В итоге «апокалиптическое кокетство» (изысканная оценка особенности русской философии, предложенная Кареном Свасьяном [2, с. 56-57]) заезжего чародея из России сводило с ума и соблазняло западных интеллектуалов, создавая ему в Старом Свете репутацию самого выдающегося русского философа. Данный брэнд до такой степени прочно закрепился за пламенным борцом «с конечностью ради бесконечности» (собственная оценка из «Самопознания» [1 с. 84]), что рядом с его персоной не было уже места никому кроме тех, о ком он сам иногда писал, или приглашал временными попутчиками.

Поставленный эксперимент над истиной удался, и волею судеб, и прежде всего благодаря содействию эпохи глобального разрыва, Бердяев оказался на пересечении многочисленных разломов в качестве энтелехии такого сложного, и неоднозначного феномена как русская философия. Великолепный фокусник, умело достававший из пустого магического цилиндра за уши Канта, Маркса, Франциска Ассизского и демонстрировавший публике чудеса духовного брака, был безупречен и прекрасен.

При этом он выполнил функцию идеального посредника между мирами и занял то единственное место репрезентанта, для которого, в сущности, и был подготовлен всем противоречивым процессом собственного интеллектуального роста. Другими словами: загадочный самоучка оказался в меру оригинальным и экзотичным, западным и азиатским, мистичным и понятным, поверхностным и экзистенциально высокопарным, легкомысленным и парадоксальным, то есть именно таким, что бы быть наиболее востребованным и услышанным самыми широкими массами интеллектуальной элиты.

Пытаясь объяснить формулу успеха столь авантюрных экзистенциальных поисков, по-змеиному заморозивших многочисленных вопрошающих птичек, Иван Ильин в язвительной сказке «Гений» главной причиной всеобщего восхищения объявил «мировую смуту». Именно хаос всеохватывающего шутовского танца поверх себя привел одинокого, пишущего для себя, часто малопонятного и мало приемлемого субъективного отталкивания от ужасов действительности к шапочке Мастера, «философскому колпаку Егора Федоровича».

Заключение. Тот самый ужасный канто-крупповский бронированный кулак, что так напугал русскую мысль, в союзе с моргающим поколением, сбросившим отрывки досократиков с цеппелина современности, позволил ловить рубку в нечистом водоеме и искренне созерцать отсутствующее. Многогранное творчество метафизического анархиста или авторское разноголосие господина

«Белибердяева» явилось миру идеально чистой доской, на который каждый по собственному усмотрению выводил любые надписи, а потом объявлял их высшей истиной. Именно поэтому произведения Бердяева как «писателя дерзкого по преимуществу» [4, с. 402] можно восхищенно читать, исследовать, с энтузиазмом цитировать отдельные фразы или с особым наслаждением критиковать «отсебятину» дилетанта. Все эти способы познания и присвоения фантазмагии парадоксальных разговоров *sub specie aeternitatis* создают интересную картину реальных и иллюзорных смысловых напряжений, открывающих интересные разломы, как серебряного века, так и в целом познания. Оригинальность учения, забег за новизной и актуальностью опрокинули мышление и становление в истине, отдав ее на откуп прихоти индивида, возжелавшего быть единственным в мире, где все есть его собственность и нет места всеобщему. Выворот сознания разрушил традицию и открыл невиданные горизонты для пустоты, разорвавшей общность учеников и учителя как форму существования знания.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 2005. – 640 с.
2. Свасьян К. Растождествления / К. Свасьян. – М.: evidentis, 2006. – 533 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, – 1993. – 447 с.
4. Шестов Л. Сочинения /Л. Шестов. – М.: «Раритет», 1995. – 431 с.

THE LIMITS AND PARADOXES OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY: EXISTENTIAL AND EPISTEMOLOGICAL KAZUS OF BERDYAEV

Bojchuk S.S.

Key words: *philosophy, existentialism, Berdyaev, Russian philosophy, thought dead ends.*

The article is devoted to the analysis of the features of the poetics of thinking and the fate of Nikolai Berdyaev, understood as an expression of the existential and epistemological characteristics of the cognitive strategy of «Russian philosophy». Essential dead ends of this model of philosophy are shown.